

...Мы имеем право знать всю истину,
приятна она нам или неприятна.
Это даже наш долг...

Р. Роллан

Рассмотренные в данной книге историографические факты нерасторжимо связаны с фактами истории. Поэтому в них нет ни академической степенности, ни унылого безразличия: на них лежит ответ сложных идеологических и политических процессов переходного периода, в них легко улавливается лихорадочное биение пульса общественно-политической борьбы, эмоциональный накал идейных схваток вокруг проблемы, которая по сей день волнует умы обществоведов и вызывает острые споры. Уже один этот факт свидетельствует о том, что творческое наследие советских историков, работавших тогда над проблемой возникновения и развития социал-демократии в России, представляет большой не только собственно историографический, но и исторический интерес.

Это наследие — частица нашей духовной культуры. Взятое в совокупности, оно представляет, несомненно, значительное явление. Не потому, что включает в себе какие-то выдающиеся и бесспорные достижения, — напротив, в этой первой «разведке боем» многое несет на себе печать методологического несовершенства, дискуссионности, скороспелости, незавершенности. Но необходимо признать, что это наследие ярко высвечивает существенные стороны формирования историко-партийной науки, основные тенденции ее развития, ее прорывы в совершенно неизученные области истории раннего социал-демократического движения. В борьбе с мелкобуржуазной историографией историки-марксисты выдвинули ряд принципиально новых подходов к теме. Огромный спектр их политически заостренных наблюдений и обобщений содержит в себе солидный позитивный «заряд», который вполне выдержал проверку временем и прочно вошел в историко-партийную науку.

Но и все то, что было тогда же или позднее опровергнуто или поставлено под сомнение, заслуживает пристального внимания. «Кто сколько-нибудь обстоятельно изучает современный социализм, тот должен изучить также и «преодоление точки зрения» в рабочем движении»¹. Распространяя эту глубокую мысль Ф. Энгельса на историческую науку, можно сказать: кто хочет понять современное состояние историографии истории партии, тот должен изучить и «преодоленные» взгляды на ее историческое прошлое. Тем более что не все ценное, оставленное историками переходного периода, мы сумели удержать и не от всего заведомо ошибочного и изжившего себя успели отказать.

Изучение движения общественной мысли страны к марксизму — составная часть первых шагов по реализации поставленной Лениным и подтвержденной решениями высших форумов РКП(б) ответственной общественно-политической задачи: научно осветить «действительный процесс образования пролетарской партии в России...»². Решение вопроса о значении «утробного периода» в этом процессе естественно выдвинулось на одно из первых мест в качестве необходимой предпосылки научной постановки всей проблематики раннего социал-демократического движения.

Работа советских историков в этом направлении с самого начала приобрела характер целеустремленного научного поиска, охватившего широкий круг методологических и конкретно-исторических проблем. На первых результатах этого поиска лежит печать полной открытости всякой правде, безусловной научной честности, высокой партийной и гражданской ответственности. За сравнительно короткое время с марксистских позиций были очерчены общие контуры социально-экономических условий и идейно-политических предпосылок возникновения марксизма в России; положено начало исследованию всего комплекса проблем перехода революционной мысли страны к научному мировоззрению, творческой разработке марксистской теории применительно к отечественным условиям; заполнены крупные бреши в прагматике социал-демократического движения 80 — начала 90-х гг.; достигнуты существенные результаты в анализе идеологии наиболее крупных социал-демократических кружков и групп; намечено решение воп-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 337.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 264.

росов их генезиса, взаимоотношений и идейной преемственности.

Первые результаты исследований в столь широком диапазоне носили еще фрагментарный характер; их предстояло синтезировать, «включить» в систему, отражающую закономерности возникновения нового идейного течения. При этом проблем ставилось больше, чем решалось, что было вполне естественно: лавинообразное расширение потока источников опережало исследовательский процесс. Малочисленная когорта историков была просто не в состоянии исследовательски охватить и ввести их в научный оборот.

Горячее стремление осмыслить узловые проблемы становления и развития социал-демократии в стране имело своим следствием обилие наспех сконструированных концепций, создатели которых, сами того, возможно, не сознавая, «подверстывали» под них имеющийся фактический материал. Это, конечно, не могло обеспечить ни полноту, ни глубину видения исторической реальности во всем ее многообразии. Новые публикации документов опрокидывали эти концепции, рождали иные представления, открывали более широкие возможности. Стало очевидным, что претворение этих возможностей в действительность упирается не столько в отсутствие или недостаток фактов, сколько в методологию. Сама исследовательская практика со всей остротой выдвигала перед историко-партийной наукой задачу постижения и творческого применения теоретико-методологического богатства ленинской концепции истории партии.

Между тем факты свидетельствуют о том, что далеко не сразу историки осознали даже историографическое значение ленинских работ. Сложным оказался их путь к пониманию того, что взгляды Ленина на возникновение и развитие российской социал-демократии составляют диалектическое единство с его более широкими концептуальными обобщениями, позволяющими поставить это общественно-политическое явление огромного исторического значения в связь не только со всей историей освободительного движения в России, но и рассмотреть его в контексте международного революционного процесса.

На этом пути историко-партийная мысль столкнулась с серьезными трудностями, предопределившими глубокую противоречивость историографического процесса. Следует признать, что гениальные ленинские обобщения, охватившие всю сумму проблем движения революционной мысли

страны к учению Маркса и Энгельса, основания российской социал-демократии, подготовки и создания марксистской партии, не были осмыслены во всей их масштабности и цельности, что только и могло в конечном счете обеспечить последовательное, действительно творческое воплощение их в практике конкретно-исторических исследований.

Это, как мы могли убедиться, не исключало определенных достижений: было положено многообещающее начало изучению методологического значения ленинских идей и оценок для разработки темы; началось освоение ленинской периодизации истории партии; достигнуты крупные успехи в овладении ленинской концепцией революционного народничества. По крайней мере, до конца 20 — начала 30-х гг. влияние идей Ленина на изучение темы в целом и особенно на утверждение их в решении отдельных проблем прослеживается с большей или меньшей определенностью. В этом, собственно, проявлялось постепенное осознание историками того, что изучение темы, имеющей многоплановый характер, возможно лишь на единой методологической основе и со строгим учетом взаимозависимости всех ее составных частей.

Но это был очень неровный и трудный процесс. При ближайшем рассмотрении мы оказываемся перед фактами, которые не оставляют места для «благополучных» обобщений, столь часто встречающихся в историографических трудах. Среди историков-марксистов на протяжении всего изучаемого отрезка времени не было единства взглядов по целому ряду кардинальных проблем (историческое место периода 1883—1893 гг. в генезисе РСДРП, идейные предшественники большевизма, теоретическое основание российской социал-демократии, идеология отдельных кружков и групп и т. д.). В ходе разработки этих проблем обнаружилось различное понимание основополагающих ленинских оценок, неадекватное истолкование и выборочное использование их для «подтверждения» путаных, заведомо искажающих историческую действительность умозрительных схем.

Для определенной ступени исследовательского процесса, когда еще предстояло суммировать высказывания Ленина о раннем социал-демократическом движении, разногласия среди историков были неизбежны и естественны. Но этим суть дела не исчерпывается. Анализ литературы убеждает в том, что динамизм овладения ленинской концепцией и применения ее к исследованию раннего социал-демократического движения находился в обратном

отношении к тем новым общественно-политическим и историографическим условиям, которые складывались под влиянием культа личности Сталина. Эти условия определили глубокие негативные сдвиги в методологии дальнейшего изучения темы.

Факты свидетельствуют о том, что в созданную многолетними традициями большевизма интеллектуальную атмосферу подлинно творческих поисков в условиях коллективизма и товарищества уже с конца 20-х гг. врываются чуждые ленинскому стилю руководства наукой, несовместимые со здоровым научным процессом проявления групповой нетерпимости, подозрительности и вражды. Тем самым создавалась питательная среда для первых всходов беспринципного приспособленчества, нравственного релятивизма. Перед натиском властительных блюстителей «идейной чистоты» и мастеров «политизированных» оценок вынуждены были отступать от своих взглядов даже отдельные историки-большевики старого идейного и нравственного закала. Все это оказало сугубо деструктивное влияние на дальнейшую разработку ленинской концепции истории РСДРП и всей проблематики становления и развития марксизма в России.

Наименее разработанной и вместе с тем наиболее искаженной оказалась центральная для истории всего «утробного периода» и неразрывно связанная с деятельностью группы «Освобождение труда» проблема теоретического основания российской социал-демократии. Обоснованное Лениным и более или менее правильно осмысленное на первых порах основное содержание этой проблемы (выработка в приложении к России теории рабочего социализма, теории русских социал-демократов) было сведено к расплывчатому понятию «распространение марксизма». Это позволяло заслонять главную заслугу группы «Освобождение труда» ее издательской деятельностью, пересматривать идеологию основателей «русского марксизма» с помощью экстраполяции их позднейших меньшевистских воззрений на тот период, когда они твердо отстаивали основополагающие принципы революционного марксизма. Этот пересмотр породил невероятную мешанину произвольных, чуждых «историческому реализму» суждений, представляющих собой различные модификации одной и той же субъективистской установки — отлучить группу «Освобождение труда» от марксизма, превратить ее идеологию и политику в «доподлинный оппортунизм». Теоретические достижения марксистов 80 — начала 90-х гг. начи-

сто исключались, таким образом, из числа исторических предпосылок ленинского этапа в развитии марксизма.

Обозначившийся довольно рано крен в сторону субъективистского истолкования теоретической деятельности группы «Освобождение труда», ее вклада в борьбу за создание пролетарской партии нашел яркое выражение в исторических дискуссиях конца 20 — начала 30-х гг. Как мы уже могли убедиться, их результаты были далеко не однозначны, и было бы серьезной ошибкой видеть в них лишь отражение общего уровня историко-партийной науки того времени. В действительности дело обстояло гораздо сложнее. Справедливое само по себе признание относительности, исторической ограниченности уровня исторического познания в тот или иной отрезок времени в данном случае не объясняет, а лишь стыдливо прикрывает и оправдывает сознательное нарушение марксистско-ленинских методологических принципов во имя «обоснования» связанных с деятельностью Сталина субъективистских политических установок и оценок, возведенных, используя выражение А. И. Герцена, в ранг «канонизированных истин». Пересмотр мировоззрения группы «Освобождение труда», ее роли в становлении и развитии российского социал-демократического движения означал полный отказ от беспорочных ленинских оценок, отступление от завоеванных позиций, что вело к резкому понижению теоретического и методологического уровня исследовательской мысли до той черты, за пределами которой говорить о научном подходе к разработке проблемы было уже невозможно.

В годы застоя нашей исторической мысли авторы историографических трудов, как правило, избегали даже констатации такого рода зигзагов в исследовательской практике: они не укладывались в прокрустово ложе идиллической схемы неуклонного, поступательного, восходящего движения историко-партийной науки. В лучшем случае речь шла об отдельных ошибках, которые объяснялись некоторыми объективными и субъективными факторами — от указания на состояние источниковой базы до признания недостаточного знакомства того или иного историка с предметом своего исследования.

Все это, конечно, имело место, и все это исторически объяснимо. Но общая картина историографического процесса остается искаженной, если мы отвлекаемся от того бесспорного, на наш взгляд, факта, что вторжение в историческую науку субъективистских начал серьезно подрывало впервые созданную марксистским учением возмож-

ность «строго научного отношения к историческим и общественным вопросам»¹. Идеалистическая природа субъективизма не замедлила проявиться в антиисторизме самого подхода к важнейшим идеологическим явлениям 80 — начала 90-х гг., но и в своеобразной регенерации оценок, с которыми в свое время выступали ревизионистские элементы, враждебные революционному крылу РСДРП вообще, группе «Освобождение труда» в частности.

На рубеже XIX—XX вв. Г. В. Плеханов писал: «Маркса и Энгельса чаще всего «критикуют» таким образом: сначала их немножко не поймут или исказят, а потом немножко поправят. И так поступают милостивые критики, а немилостивые совсем уже не стесняются с ними: они бесцеремонно приписывают им ахинею, глубокомысленно заявляя, что надо уже покончить с марксовой «догмой»². Нечто подобное происходило с конца 20-х гг. и затем на протяжении десятилетий с критическим анализом теоретического наследия самого Плеханова. В процессе такой «критики», подчиненной конъюнктурным соображениям, и складывалась глумливо-безответственная тенденция противоположения «плехановского марксизма», «неполноценного» будто бы с точки зрения «ортодоксального» марксизма, ленинизму.

Эта тенденция, единственным «основанием» которой служило грубейшее искажение воззрений Плеханова-марксиста, имела крайне отрицательные последствия для изучения всего раннего социал-демократического движения. Попытки свести к нулю роль группы «Освобождение труда» в создании «доктрины русского марксизма», являвшейся идейной базой начавшегося в середине 90-х гг. соединения научного социализма с рабочим движением, не оставляли места для научной постановки проблемы ленинского этапа в развитии марксизма. Указанная тенденция отнимала всякую возможность рассмотрения теоретических, программно-тактических достижений группы «Освобождение труда» в перспективе дальнейшего творческого развития марксизма В. И. Лениным. В итоге создавались ложные представления о соотношении «утробного периода» развития российской социал-демократии с последующими ступенями ее движения к созданию пролетарской партии нового типа.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 136.

² Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1956. Т. 2. С. 479.

Постепенное утверждение в научной практике авторитарно-догматического мышления привело к тому, что общая картина «действительного хода развития социал-демократии»¹ в России оказалась глубоко деформированной. Процесс ее «утробного» развития как политической партии обрисовался в виде какого-то инкубационного периода формирования оппортунистической идеологии. К середине 30-х гг. трезвые суждения отдельных историков, стремившихся следовать принципу историзма, заглушил голос тех, кто с помощью далеких от науки приемов подготовил закрепление этого представления в учебнике «История ВКП(б). Краткий курс» (1938 г.). Тем самым почти на четверть века «судьба» проблемы была предрешена: ее изучение застыло в догматических рамках идеалистического по своей «философии» учебника, отредактированного самим Сталиным в духе культа собственной личности.

Исследовательский опыт 20—30-х гг. преподносит, таким образом, жестокие уроки. Важнейший из них сводится к тому, что отступления от марксистско-ленинской методологии и нравственные компромиссы (вне зависимости от побуждений тех или иных авторов) имели для историко-партийной науки слишком тяжелые последствия для того, чтобы историография как наука могла служить инструментом их оправдания. Верно, что история и современность представляли перед исследователями в сложнейших противоречиях, а порой и в отталкивающих, устрашающих гримасах, но, как говорил Ленин, «...если истории случается проказничать, то это не оправдывает проказ мысли у того, кто берется за анализ этой истории»².

Историография, правдиво и честно вскрывающая живую диалектику научного процесса, — это не только инструмент самопознания исторической науки, но и ее память. Порой она безмерно горька и тяжела: значительная и, осмелимся сказать, лучшая часть тех, кто посвятил свои силы изучению первых ростков великого Марксова учения на интеллектуальной почве России, дополнили страшный мартиролог ученых, ставших невинными жертвами сталинского деспотизма. Трагичной была и судьба их творческого наследия, частью уничтоженного, а частью погребенного в спецхранах, недоступных для масс, которым оно предназначалось.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 388.

² Там же. Т. 8. С. 368.

Но «нельзя сделать небывшим того, что было...»¹. Решения XX съезда партии, постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий» положили начало процессу огромного историко-культурного значения: полному возвращению народу всего того, что честно служило поиску исторической правды и, следовательно, утверждению идеалов Великого Октября. Новая общественно-политическая ситуация, сложившаяся в стране, дала сильный импульс изучению истории раннего социал-демократического движения. Выход из субъективистского тупика в разработке темы уже во второй половине 50 — начале 60-х гг. дал первые серьезные научные результаты. И хотя этот далеко не простой процесс был затем осложнен явлениями застоя в развитии общественной мысли, доминирующей тенденцией в нем, вопреки инерционному давлению антиисторических стереотипов, оставалось неуклонное расширение и углубление изучения темы, обогащение ее творческими знаниями на основе марксистско-ленинской методологии.

Сейчас уже можно с полной уверенностью сказать, что предопределенная решениями XXVII съезда КПСС перестройка исторической науки откроет новый этап в изучении всей проблематики зарождения марксизма в России, возникновения и развития российской социал-демократии как идейного течения. Эта многогранная проблематика включает в себе целый ряд сложных дискуссионных вопросов, разрешение которых возможно лишь с позиций нового мышления, свободного от субъективизма и догматизма.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 255.